

ВИКТОРИЯ ЧИКАРНЕЕВА

ОКНО НА ПЯТОМ ЭТАЖЕ

РАССКАЗ

Стою у дороги и смотрю на окна моего дома. Останавливаюсь взглядом на своих: пятый этаж — седьмое, восьмое и девятое слева. Мысленно приоткрываю толстую бордовую штору, а за ней белый тюль: это стиль мамы. Люблю свет. Будь моя воля, вообще окон бы не закрывала. А так сижу дома, как в коробке. Неприятно!

В седьмом окне — кухня. Крошечного размера. С трудом помещаемся я, мама, бабушка и братик. Восьмое окно — моё и братика. Девятое — мамы и бабушки.

Люблю, когда шторы не задёрнуты. Можно посмотреть, что происходит за окнами в соседнем доме. У меня нет бинокля. Отличное зрение и хорошая память.

...Восьмой этаж, третье окно слева. Двое детей и муж с женой ужинают за столом. Мать в синем халате встаёт из-за стола и подливает супу добавки. Дети хватают из вазы пригоршни конфет и убегают из комнаты. А родители остаются и увлечённо разговаривают. Наверное, любят друг друга...

Опускаюсь ниже. Пятый этаж, десятое окно слева. Сквозь лёгкий тюль видна девушка в ночной рубашке. Ходит туда-сюда по комнате с телефоном в руке. Думаю, никак не может дозвониться, поскольку постоянно бегаёт пальцами по кнопкам.

Где-то на седьмом этаже женщина изысканно бреет ноги прямо на подоконнике. Такого я ещё не встречала. Интересно! Неужели так удобно?

ЧИКАРНЕЕВА Виктория Александровна родилась в 1987 году в слободе Родионово-Несветайское Ростовской области. Окончила факультет социологии и политологии Ростовского госуниверситета и Высшие литературные курсы при Литературном институте им. А. М. Горького. Живет в Ростове-на-Дону.

Заглядываю в окна нашей квартиры.

У меня в спальне штора розовая, плотная. Мама каждое утро упорно задёргивает её. А я, приходя из школы, открываю вид на улицу. Братiku вообще всё равно. Хоть открыто, хоть закрыто. Вовка старше меня на двенадцать лет. Но так повелось с детства, что всегда называю его братиком — даже не по имени.

У него руки золотые: всё что угодно может сделать. Только не всегда находит им верное применение... Воровал. Готовил наркотики. Дали восемь лет. Через пять отпустили за примерное поведение. В июне вернулся домой и сказал:

— Теперь заживём! Деньги появятся. Мамка, больше не будешь работать, как загнанная лошадь! Купим тебе красивое пальто и сапоги из натуральной кожи. Сходим в театр. А ещё в парикмахерскую: сделаешь себе причёску и маникюр. Прорвёмся! Заживём! — братик потягивал дешёвую сигаретку и мечтательно размышлял.

Поначалу Вовка решил: больше никакой наркоты и чужих карманчиков. Хотел устроиться менеджером, жениться и завести детей. Но не получилось. На нормальное место не берут: говорят, что с судимостью им сотрудники не нужны. А сторожем или грузчиком идти не хочет.

Ну, братик и закутил, начал пить по-чёрному. Сидит на маминой и бабушкиной шее и ногами дрыгает. Иногда телик занимает, если в программе боевик или футбол. Правда, пару раз приносил продукты: кофе, чай, конфеты. Мы даже не спрашивали, где он деньги брал. А в театры так и не ходили, и в парикмахерскую он маму не повёл. Хотя до сих пор, выпив, братик бьёт себя в грудь и говорит, что он мужик и если захочет, то завтра же заработает денег и купит маме пальто с сапогами. Обещал, да ничего толком так и не сделал. Пил и кутил. И опять бил себя в грудь.

А мне шестнадцать лет. Зовут Верой. Люблю и очень жалею маму. Учусь в одиннадцатом классе. А мама пошла с осени на подработку — убирать в соседнем магазине. Только называется не уборщицей, а мастером чистоты. И теперь дома у неё нет сил общаться с нами. Приходит около восьми вечера, сразу включает телевизор и часа по три кряду смотрит сериалы. Говорит, что так отдыхает. Часто говорит: “Работаю ради тебя. Только, пожалуйста, дочка, хорошо учись. Хочу, чтобы ты из всей этой грязи вылезла и жила нормально. Получила высшее образование. А там устроишься на работу, покажешь себя и будешь получать явно больше моего. А потом квартиру купишь, создашь семью и начнёшь мне помогать”.

Мама старается, чтобы у меня было всё, что есть у других девочек. Но я отличаюсь от них всегда и везде, так как смотрю на многое по-иному. Да, имею телефон за пять штук и колечко. Но у моих одноклассниц джинсы по три штуки, обувь по пять и всё такое. Вообще не понимаю этого гонора и спеси: носить очень дорогие шмотки и ходить в них среди обычных детей. Школа ведь простая! Если вы такие крутые, то отправляйтесь со своими цацками во Францию на показ мод...

У Остроуховой — телефон с наворотами за двадцать штук. И ноутбук маленький, не больше книжки. Вечно в школу носит. Сядет на переменах за последнюю парту, раскроет и начинает играть. К ней половина ребят нашего класса подсаживается, даже из параллельного приходят. И Вадик, главный красавчик школы, высокий, накачанный. Волосы осветлённые. А ещё наколка на плече. Посмотрел и сказал:

— Классная у тебя, Лена, штука! Прикольный ноут! — и заулыбался ей.

Потом часто к Ленке стал заходить на переменах. Я всё думала: что в ней нашёл? Она же дура! Ну да, у неё шмотки дорогие, колечки, браслетики, телефон, ноут. Но с ней даже поговорить не о чем, кроме как о цвете лака для ногтей.

Так хотелось, чтобы Вадик подошёл ко мне при всех, особенно при Ленке, и поцеловал по-взрослому, в губы! Чтобы она позавидовала... Но взял и поцеловал Ленку! При всех! А ко мне так и не подошёл... Еле дождалась окончания уроков. Схватила сумку и убежала домой. Закрылась в ванной и заплакала. Стою у ржавой раковины и в зеркало смотрю. Воду включила,

чтобы рыдания не слышались. Братик, как всегда, спал. А бабушка вдруг застучала в дверь:

— Вера, иди кушать супчик с галушками. Горяченький!

Отвечаю:

— Бабуля, выкупаюсь и поем.

А сама стою и плачу. Смотрюсь в зеркало — глаза красные. Носом шмыгаю. Только вода по раковине стучит. А в глазах — картинки: Вадик целует Остроухову, пьяный братик бьёт кулаком по столу и требует пожрать, а мама в старом розовом халате с красными маками стоит рядом. Её посечённые волосы собраны в хвостик. И руки дрожат от усталости, заботы или безнадёжности. Из-за этих картинок стало так тошно, совсем разрыдалась, как истеричка. А тут бабушка опять в дверь стучит:

— Иди кушать супчик! Остынет же!

Шепчу себе под нос:

— Какой супчик с галушками! Вадик — такой же кобель, как другие. Ведётся на то, что блещит! И дома всё ужасно!

Потом он целовался с Остроуховой на всех переменках. Вечно в “контрастайк” играл. Неужели с ней из-за ноуга встречается? Ведь Ленка такая страшная! Нос горбатый и уши торчком... Так хочется, чтобы Вадик её бросил и весь извивался передо мной!

Девятое окно слева за бордовой шторой и белым тюлем. Окно мамы и бабушки. Таблетки и острый запах аммиака. Куча квитанций и расписок, синие шариковые ручки и фотография на столе, где папа стоит в обнимку с мамой. В рамочке. Он погиб десять лет назад...

Все эти годы мама — социальный работник. А сама — инвалид второй группы с двадцати лет. У неё какое-то сердечное заболевание с трудным названием. Я даже в маминой карточке его читала, но запомнить не могу. А зарплата — три тысячи восемьдесят пять рублей девятнадцать копеек!

Маме от Вовки здорово досталось. Каждый день — глаза на мокром месте. Ещё бы, сын — зек. Часто подхожу и спрашиваю:

— Мамуль, чего ты плачешь? — а сама-то не дура и знаю, почему. Она мне:

— Всё хорошо, Вера! Это глаза слезятся, опять аллергия началась.

— Ты из-за Вовки плачешь?

Молчит. Только плечи трясутся.

Постою рядом, обниму за плечи, а мама глаза прячет. И волосы у неё редкие, с рыжиной... Отхожу расстроенная. Думаю: бедная мама! А братик — убудодок! Всем жизнь портит!

Бабушке семьдесят семь лет в апреле исполнилось. Она всю жизнь работала медсестрой. Пенсия — четыре тысячи пятьсот восемнадцать рублей. Мама часто в порыве чувств говорит бабушке:

— Вот ты дома сидишь и получаешь пенсию больше моей зарплаты. Каждый день на работу мотаюсь: то горшки убираю, то по собесам да рынкам бегаю. А о зарплате спросят — говорить стыдно.

А раньше, при папе, мы нормально жили. Раз в месяц он ездил на Каспийское море, в Астрахань, к своему брату и промышлял рыбной ловлей, браконьерил. Только однажды домой не вернулся. Однажды с другом пьяными поехали ночью проверять сети. Тот запутался в сетях. Папа полез на выручку. Но его постигла та же участь, и оба утонули. Не знаю, не понимаю, почему всё так произошло...

Мама до смерти папы нигде не работала. Мы жили припеваючи. У братика плеер, а у меня тамагочи и лазер. Ещё папа купил нам компьютер. Это вообще было в новинку в конце девяностых. Такой огромный ящик, виндоуз девяносто пять. Ко мне даже Остроухова в гости приходила, чтобы поиграть. У нас до сих пор этот компьютер стоит, и на нём работаем.

А ещё папа часто покупал пирожные, конфеты, шоколадки. Каждый год ездили на Чёрное море.

Через полгода после гибели папы мгновенно умер от инфаркта дедушка, капитан милиции в отставке. Высокий, бравый, всегда с румянцем на щеках.

Сразу после школы мама вышла замуж за папу и не стала учиться. При нём была очень красивой, цветущей, ухоженной. Всегда причёска, маникюр,

короткая юбка, туфли на каблучке и цветочный запах от волос. После гибели мужа кинулась искать работу, но ничего найти не могла. У неё ни опыта, ни образования. В конце концов, устроилась социальным работником: хотела помогать людям.

После папы у мамы никого больше не было. Только мне очень хотелось, чтобы у неё появился мужчина, дарил цветы, целовал руки и признавался в любви. Мама-то у меня красивая!

Я часто спрашивала:

— Мам, а почему ты ни с кем не встречаешься?

— Зачем? Мне никто не нужен. Я ради тебя и Володи живу.

А я потом в маминой сумке нашла папину фотографию, а сзади надпись: Серёжа, Серёжка, Серёженька! Любимый!.. — и поняла, что она никогда его не отпустит.

А я?!! Знаете, как маму люблю! У меня аж ком в горле от того, что папа погиб, а братик так по-хамски себя ведёт. И хуже всего то, что ничем не могу помочь, а так мечтаю принести стопку денег, чтобы мама купила для себя всё, что хочет. Я даже летом в трудовой лагерь устроилась. Остроухова ржала как лошадь, когда увидела, что деревья в парке обкапываю. А я купила себе к школе джинсы, майку и кроссовки. И маме ещё духи подарила, у неё в августе день рождения. Пятьдесят три года исполнилось.

Мне мама никогда не жаловалась. Только вздыхала на кухне или плакала у себя в спальне. А как-то раз я услышала, что она тётке говорит:

— Знаешь, Аня, я рассталась с надеждой. Разуверилась, что удастся жить лучше и быть счастливой и любимой. Сразу стало легче. Просто доживаешь. Если бы не Вера, давно бы меня уже не стало. Но мне хоть её на ноги поставить. Одно желание осталось — выспаться. Но смогу это сделать только на том свете...

Потом подхожу к маме и говорю:

— Можешь на меня рассчитывать. Тебя не брошу. Это Вовка у нас — идиот. Но в семье не без урода. А я помогу. Заработаю много денег, и купим большой дом за городом. Будешь выращивать свои любимые китайские розы и клубнику и за внуками смотреть. Хорошо, мам?!!

Она засмеялась и повеселела.

— Может, — говорит, — и Вовку закодируем, на работу пристроим и женим.

— Да, по-любому!

Только раз при мне расплакалась по-серьёзному, слёз не скрывая. Три дня назад стала заклеивать свою обувь, а та развалилась. Пробую сама — тоже ничего не получается. Сую руку в ботинок, а он весь влажный изнутри, ведь даже не успевает высохнуть. Предлагаю маме свою обувь — не хочет. Расстраиваемся. Кажется, ботинки — всего лишь повод для плача.

На следующий день она купила себе какую-то дешёвую обувь. И мне её стало так жалко! Неужели мама не заслужила себе хорошие сапоги?! Я целый день ходила по нашим рынкам и выбирала ей обувь. А потом подумалось: лучше искать в магазинах. Бегала по ним и выбирала, какие красивее и прочнее. Решила: куплю ей сапоги во что бы то ни стало. А раз так, то для меня нет никаких преград. Недаром же меня Верой называли! Думаю, скажу, что деньги нашла на улице. Всё равно никак проверить не сможет. Очень хочу подарить маме надежду. Пусть с помощью этих сапог. Не передать словами!

Пятый этаж, восьмое окно слева. На моём столе — коробка с сапогами. Вечером подарю маме. Якобы нашла деньги...

Ленка-клуша сама виновата. Нечего телефон на столе оставлять без присмотра! Я взяла его на перемене, отключила и положила в сумку. Совсем не было стыдно. Ощущение, что забираю что-то своё. За Вадика отомстила и за свои слезы у ржавой раковины. Остроухова расплакалась при всём классе, тушь у неё растеклась и размазалась. Вадика в школе не было, чтобы успокоить... А потом, после уроков, я продала телефон барыгам за восемь штук. Дёшево, конечно. Ну и что? И сразу маме сапоги купила!

У родителей Остроуховой денег много, они ещё пяток таких купят. Завтра в школу придут менты, будут всех допрашивать, но узнать или доказать ничего не смогут. Никогда!

А вдруг у мамы опять появится надежда? Так хочу в это верить!